

Воспоминаніе о М. И. Глинке.

"Русский архив", 1869. - Вып. 7

[OCR Бычков М. Н.](#)

<http://az.lib.ru>

М. И. Глинка, въ письмахъ своихъ къ Е. А. Булгакову сочувственно отзывается о В. Н. Кашперовѣ, а князь В. Ѳ. Одоевскій, въ примѣчаніяхъ къ этимъ письмамъ, передаетъ, что знаменитый композиторъ скончался на рукахъ его. (См. выше стр. 347, 361 и 377). Поэтому, печатая письма Глинки въ Русскомъ Архивѣ, мы обращались къ В. Н. Кашперову (нынѣ профессору Музыкальной Консерваторіи въ Москвѣ) съ просьбою сообщить воспоминанія его о Глинкѣ. Нижеслѣдующая статья есть обязательный для насъ отвѣтъ на запросъ нашъ. -- Здѣсь кстати исправить ошибку, вкравшуюся въ примѣчаніе къ письмамъ (стр. 350): Автобіографическій рассказъ М. И. Глинки напечатанъ въ Русскомъ Вѣстникѣ не 1863, а 1857, томъ XI, (Октябрь) стр. 768 и д. П. Б.

М. Г. Благодарю Васъ за внимательность, которою Вамъ угодно было почтить меня: -- корректурные листы съ письмами дорогаго Михаила Ивановича Глинки я получилъ. Въ этихъ письмахъ онъ обрисовывается несравненно ярче и полнѣе, чѣмъ въ какихъ либо біографическихъ очеркахъ. Лишь одна сторона его жизни вовсе не выяснена, и мнѣ кажется, что никто еще не взялся разъяснить то, что составляло существенную причину его постоянныхъ и глубокихъ страданій, сначала нравственныхъ, -- а потомъ и физическихъ конечно.

Онъ часто говаривалъ у насъ въ домѣ, -- когда мы жили въ Берлинѣ -- въ 1856 году: -- "J'ai toujours été maltraité moralement." {Со мною всегда жестоко обращались въ смыслѣ нравственномъ.}.

Многіе возражать: да вѣдь онъ былъ чрезвычайно впечатлителенъ какъ художникъ, а подъ конецъ раздражителенъ до болѣзни -- и на такомъ объясненіи успокоятся. Мнѣ самому случалось слышать такого рода сужденія и даже отъ короткихъ его пріятелей. Но мнѣ кажется, что болѣзненные явленія такого рода особенно замѣчательны въ человѣкѣ каковъ Глинка, отъ природы весьма крѣпкаго организма, имѣвшій успѣхъ полный и блистательный въ своемъ дѣлѣ. Было время, когда въ высшихъ сферахъ общества искали случая съ нимъ познакомиться; его знали какъ оригинальнаго и даровитаго композитора во всей Европѣ, такъ что, какъ *композиторъ*, онъ могъ считать себя однимъ изъ самыхъ счастливыхъ. И такого-то гениальнаго, крѣпкаго человѣка русское общество уложило въ гробъ до 54 лѣтъ, безъ особенныхъ видимыхъ причинъ! Лишь одинъ рѣзкій признакъ остается на виду: "j'ai toujours été maltraité moralement", -- по которому тотчасъ приходятъ на память цѣлый рядъ воспоминаній изъ его рассказовъ, какъ его чтили, коль скоро вліятельное лицо его обласкаеиъ и похвалить и какъ отъ него отворачивались, когда вліятельное лицо его забывало.

Коли въ Европѣ, за весьма малымъ исключеніемъ, большинство даже великихъ композиторовъ страдало отъ дурнаго обращенія съ ними и какъ Моцартъ умирали рано и въ нищетѣ, -- то тутъ причина довольно ясна: сами эти композиторы были весьма односторонняго образованія и вообще мало развиты, а потому, когда не нужна была музыка, старались избѣгать музыкантовъ *только*, которые другихъ интересовъ для общества и не представляли; другими словами, общество за *композиторомъ* *человѣка* не видѣло, или не хотѣло видѣть.

Съ *Глинкой* совсѣмъ другое было: онъ самъ былъ изъ такъ называемаго порядочнаго общества, былъ пріятель Жуковскаго, Пушкина и по развитію принадлежалъ скорѣе къ высшему кругу.

Это уже ясно указываетъ на низкій уровень общественнаго воспитанія; я говорю о воспитаніи дѣйствительномъ, а не внѣшнемъ, которое учить -- когда и гдѣ какія перчатки надѣваются, сколько кому платится визитовъ и какимъ особамъ улыбаться подобаетъ; обойтись же по человѣчески съ лицомъ, котораго вы не боитесь или въ которомъ вы не нуждаетесь, у насъ умѣютъ весьма немногіе даже въ ученой и развитой средѣ. Въ нашемъ обществѣ нужно *умѣть казаться, импонировать*; ни того ни другаго у Глинки не было и слѣда.